

«В ТЕАТРЕ Фольксбюне на Люксембург-
плац Московский государственный
академический музыкальный театр
имени Станиславского и Немировича-Дан-
ченко показал оперу «Катерина Измайло-
ва»... Это — выдающееся произведение и выдаю-
щийся спектакль, реалистический и четкий по форме,
печатающийся своей простотой. Гениальная опера, ко-
торую, несомненно, будут играть и у Фельзенштейна».

Так писал о выступлении московской оперной труппы
западноберлинский корреспондент гамбургского еже-
недельника «Ди андере Цейтунг», известный театраль-
ный критик Герберт Иеринг. Его высказывание знаме-
нательно. Оно наглядно свидетельствует о том, что
спектакли москвичей в Берлине, Лейпциге и Дрездене
стали событием не только в культурной жизни ГДР, но
и привлекли внимание прогрессивной западногерман-
ской общественности. Вместе с тем оно — еще одно
доказательство блистательного успеха, с которым про-
шла эта гастрольная поездка.

Таких доказательств у директоров театра В. А. Чай-
ковского немало. Вот большая красная папка, которую
немедкие друзья подарили на прощание советским ар-
тистам. В ней на отдельных листах ватмана — виды го-
родов, где выступали москвичи, и рецензии местной
прессы на их спектакли. Вот медаль с портретом Петра
Ильича Чайковского, подаренная западногерманским
обществом германо-советской дружбы после концерта,
который дала в Западной Берлине группа артистов те-
атра. Эти сувениры — живое напоминание о радостных
встречах советского коллектива с немецкими зрителя-
ми. Зрителями, между прочим, взыскательными и стро-
гими.

— Дело в том, — рассказывает В. А. Чайковский, —
что в ГДР, как и во многих других странах, именно
опера занимает ведущее место в репертуаре музы-
кальных театров. Число билетных спектаклей по сравне-
нию с оперными там невелико — значительно меньше,
чем у нас, в Советском Союзе. Естественно, что и у не-
мецкого зрителя, заведомая музыкального театра,

ВСПОМИНАЯ О ВСТРЕЧАХ

К итогам гастролей Музыкального театра
им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в ГДР

именно к опере особый вкус. И естественно, что
аплодисменты такого зрителя, цветы, полученные от
него после представления, были нам ласковы и дороги.
Ну, а заголовки вроде «В каждом артисте — что-то от
Шалаяпина», какие нам иной раз преподносили газеты,
и вовсе повергали нас в смущение.

Но не только рецензии, собранные в красной папке,
напоминают о триумфе в ГДР. Сейчас на улице Пуш-
кина, 17, в дирекцию театра, нередко приходят благо-
дарственные письма с марками Германской Демокра-
тической Республики. Среди них — письма заместителя
министра культуры ГДР Курта Борка, генерального ди-
ректора театра города Лейпцига профессора Кайзера.
А вот еще письмо. Показывая его, В. А. Чайковский
говорит:

— Помните, когда мы разговаривали по телефону,
я рассказывал о том, как после представления «Кате-
рины Измайловой» к нам за кулисы пришел с поздрав-
лениями руководитель «Комиче опер» Вальтер Фель-
зенштейн? Кстати, говорят, это вообще был первый
случай, когда маститый режиссер пришел поздравить
артистов прямо за кулисы. Так вот, Фельзенштейн не
только сказал нам тогда много теплых слов, но сейчас
еще и прислал нам очень интересное письмо.

Что ж, письмо действительно интересное и ставит
ряд важных вопросов. Особенно важно то место пись-
ма, где немецкий режиссер дает оценку опере «Евге-
ний Онегин», показавшей москвичами в осуществлен-
ной впервые более 40 лет назад постановке К. С. Станиславского. Напоминая в начале письма о том, что у
разговоре с В. А. Чайковским он сомневался в целесо-

образности восстановления оперы с сохранением мель-
чайших деталей первой постановки, Фельзенштейн пи-
шет: «Я отстаивал ту точку зрения, что музейный ха-
рактер такой постановки, учитывая заочную театраль-
ное искусство, вызывает противоречивые чувства и
что вряд ли это правильно по отношению к памяти
умершего режиссера. Безусловно, сохраняя индивиду-
альное прочтение произведения нужно. Но это можно
передать в выражении содержания, а копировать фор-
мально и технические прежние постановки никак нельзя,
если хочешь избежать ложного их восприятия или
же по крайней мере не того, какого мы ждем воз-
действия на зрителя».

Однако после просмотра в нашем театре оперы «Ев-
гений Онегин» я вынужден пересмотреть свое мнение.
Сохранение и воспроизведение спектакля такого рода
не только полно смысла и оправданно, но и просто не-
обходимо».

Во всяком случае, сравнивая все сценические интер-
претации оперы, которые я видел до сих пор, с вашей
постановкой, я прихожу к выводу, что она — первая,
в которой не погублен Пушкин. Каждая фраза на этом
вечере звучала Чайковским и дышала Пушкиным».

Фельзенштейн, таким образом, по существу, ставит
вопрос о плодотворности традиций, заложенных в луч-
ших достижениях сценического, режиссерского иску-
ства. И, отметив, что интерпретация оперы Чайковского
Станиславским стала документом, на умирающим со-
временем, он пишет: «Ассамблея прочел произведение
с такой точностью и любовью, что из воспроизведения
прошлого создал будущее».

А в заключение, высоко оценивая поста-
новку «Катерины Измайловой», которая
поразила его «пластичностью, ясностью и
глубиной», режиссер шлет сердечные при-
ветствия коллективу, с которым он надеет-
ся в самое ближайшее время еще раз встретиться
в Москве.

К каким же выводам можно прийти на основании
этой поездки театра?

— Во-первых, — говорит В. А. Чайковский, — поезд-
ка чрезвычайно много дала всему нашему коллективу.
Немецкие товарищи сделали все от них зависящее, что-
бы мы смогли лучше узнать жизнь ГДР, познакомиться
с ее культурой и искусством. И мы постарались как
можно шире использовать предоставившуюся нам воз-
можность. В частности, чрезвычайно важным было для
нас знакомство с немецкими театрами. Театральное ис-
кусство ГДР стоит на реалистическом пути, в нем много
новых интересных явлений; посещение спектаклей
«Комиче опер» и немецкой Государственной оперы в
Берлине, театров Лейпцига, Дрездена, а также личные
встречи с нашими немецкими коллегами необычайно
обогатили наш опыт, расширили наш творческий кругозор.
А во-вторых, мне кажется, что успех нашей оперной
труппы в ГДР позволяет нам теперь смелее организо-
вывать такие заграничные туры. До сих пор в загра-
ничные поездки у нас, как правило, отправлялись ар-
тисты балета. И не только потому, что советский балет
давно уже завоевал мировую славу. Дело в том, что
балет не требует перевода: он понятен всем.

Не то в опере, тем более в русской и современной
советской. Тут уж воистину роль песни слова не выки-
нешь! — настолько важна роль текста. Будет ли по-
нятно такое искусство слушателю, не знающему языка?
Наша поездка в ГДР как раз и доказывает, что язык
в этом случае не является препятствием и что совет-
ские оперные коллективы могут вполне рассчитывать
на успех за рубежом. А что выступления эти будут по-
лезны как для гостей, так и для хозяев, сомневаться
нам более не приходится.

Д. АЛЕКСАНДРОВ.